

Марфа-царевна и Иван крестьянский сын

Жил-был мужичок. У него было три сына и три снохи. Одну сноху они недолюбливали. И этой снохе жить стало невозможно дома. Отправилась она в темные леса.

Ей время то пришло — родить сына. Родился у ней сын в Урале. Родился и спрашивает ее: «Почему же ты не в жиле меня родила, а в темных лесах?» — (Еще) сын просить стал: «Нареки, мать, мне имя!» — Нарекла она ему имя Иваном.

Трои сутки тут пробыли, потом пошли в поход: «Не будем, мать, здесь жить: тут с голоду помрем». Нечаянно вышли с ним на трактовую дорогу. Пошли с ним дорогой: «Не сойдем мы с этой дороги в сторону — где-нибудь в селенье натакаемся». Дошли до такого рову: выходят на них три разбойника, нечестно его мать взяли за руку и ведут под этот мост. Сказал Ваня: «Неужели вам моя мать достойна? Повели вы ее под этот мост?» — Тогда они изматерили его, мальчика этого. Мальчик не сробел: схватал их всех троих, ударил голова об голову, и они остались тут.

Шли они дивно от этого места и увидели в стороне агромадный дом. Заходят в этот дом с матерью; в этом доме нашли белого хлеба там и вáри. Наелись они хорошо тут. Ваня ходил по комнатам и слышит: человек стонет; а не знает, где Ваня нашел западёнку (вроде как теперь гóлбец), отворил: там гроб и в гробу человек стонет. — «Кто тут такой?» — «Ты меня вытащи из гробу — я буду тебя сохранять!»

На гробу были натянуты три обруча железных. Нашел Ваня лом и сшиб эти обручи; скрыл крышку. Вылезает человек и раскрывает рот — хочет Ваню съесть. Ваня видит непорядки, взял его в охапку, опять положил в гроб и накрыл крышку — опять обратно. Принагнул коленко и натянул обручи: «Не мною положен, не мною и оставайся тут».

Пошел Ваня по комнате, увидел ружье и припасу, взял себе ружье. Матери своей говорит: «Я схожу по Уралу, не застрелю ли какú-нибудь себе дичьину». — Отправился. Матери сделалось жутко (тоскливо) сидеть в комнате, захотела разгуляться. Пошла она к этим самым трем разбойникам — к этому мосту. Приходит к мосту. Действительно, они очувствовались, сидят все на ж...ах. Увидели женщину, не отпустили ее — увели в свой дом;

а этот самый дом был их, разбойницкий. Приходят, зарядили ружья и говорят: «Если придет твой сын, мы его застрелим, а тебя не отпустим». — «Дело ваше!» — Наджидают его. Сын пришел и глядел тайно в окно; они собираются его застрелить. Молодец рассмотрел. На том решился, что мать оставил тут, а им не показался — ушел от них.

Пошел по Уралу и натакался: стоит огромный дом. В этом дому никого нет. Походил по комнатам; в печь заглянул, видит: жаркого латка. Он и хлеба нашел, наелся как требно быть, зашел в особую комнату, лег на диван отдыхать. Не через много время Чудовище прилетел, ударился об порат и сделался молодцом. Заходит этот Чудовище в свою комнату, видит, что латка на боку и поедено все. — «Ишь, а кто меня огложал? Если б я того раба видал, я бы и самого его сожрал!» — Заходит в особую комнату, увидел Ваню, разевает рот — хочет Ваню съесть. Одумался Чудовище: «Что я буду его, сонного, есть? Разбудить надо, расспросить: кто он такой, откуда есть? Из моих рук никуда не девается-де он». — Начал Ваню нечестно будить. Ваня сбросил глаза и говорит: «Дай мне воды и рукотер (умыться): я умоюсь и тогда буду говорить». Чудовище притащил ему воды и рукотер (утирку, по-нашему, или полотенце). Сказал Ваня: «Вот что, хозяин, я Бога шибко не спознаю: родился в лесу, а молился пню; прими меня в дети». Чудовище сказал: «Как тебя зовут?» — «А меня, — говорит, — мать нарекла мне имя Иваном». — Согласился и принял его в дети.

Стал Ваня проживаться с ним. Поутру рано Ванюшка завтрак ему пригоношил: самоварчик и нажарил-напарил на него. Чудовище похвалил его: вот мне, знать, хорошая жизнь будет теперь (завтрак пригономил про него). Позавтракал Чудовище, собрался как есть, размахал свои крылья и улетел с порату (с поратного крыльца).

Ваня посмотрел на его сборы: размахал свои руки (как Чудовище) — хотел лететь — и пал на столб, расшибся весь. Повечеру прибывает отец, ударился об порат и сделался молодцом — как есть: кричал долго Ваню. Ваня нигде не оказывается, голосу не подает ему. Увидал Ваню на столбе; подходит Чудовище к нему: «Что ты, милый сын, так сидишь и голосу не подаешь?» — «Я по-твоему хотел лететь». — «Ну, прощу тебе первую вину; скоро тебя вылечу». — Сходил он в комнату и притащил бутылку зельёв ему. Наливал он враз ему три стакана. Тогда он почуял в себе силу непомерную, Ваня: был силён, а еще втрое сильнее того стал. Натащил говядины на ужин, нажарили-напарили и самоварчик поставили.

Поутру изготовил ему завтрак: тот еще спит. Чудовище встает и хвалит сына: «Надеюсь я на тебя, сын; доверяю я тебе ото всех амбаров ключи; только я не позволяю тебе в одну конюшню ходить». — «Ну, когда не позволяешь, так не пойду». — Наелся Чудовище, отправился неизвестно куды. Пошел Ваня по амбарам — глядеть, что есть у него. Доходит до этой конюшни: а что, две смерти не будет, одной не миную — давай зайду в эту конюшню. Отворил конюшню: стоит богатырский конь и на огненной доске, прикован кругом цепями этот конь. Сужалел Ваня коня. Конь ему и говорит: «Послушай, Иван крестьянский сын: если ты сорвешь с меня эти цепи, сведешь с калёной доски, тогда жив будешь из-за меня!» — Свел его с доски. — «Поставь меня в эту конюшню, тащи ушат белояровой пшеницы и ушат мне воды». (Значит, он голоден.) «Ты ходи ко мне почаще, а своего отца спроси: когда он поедет за Марфой-царевной?» Тогда улещался Ваня около отца как можно лучше, ухаживал за ним и спрашивал его: «Когда же ты, тятя, поедешь — привезешь мне мать?» — Чудовище сказал: «Когда последний день я полечу, так тогда я тебе скажу».

На седьмой день отправился Чудовище, сказал: «Ты приготовь сегодня пищи побольше, да аккуратнее исправь, в оградке подмети: я тебе сегодня мать привезу!» — Проводил отца и побежал к коню, не стал и кушанье готовить. Приходит к коню и говорит: «Отец сегодня говорил, что привезет мне мать». Конь и говорит: «Я в тебе силы не уверился. Есть в таком-то амбаре стопудовая доска, столкнешь ли с места ты ее своей ногой?» — Ваня приходит, отворяет амбар, ногой своей пнул — доска полетела из стены в стену, забречела. Конь на это не уверяет. — «Можешь ли ты меня сшибчи своей рукой с ног долой?» — Ваня заходит с правого боку, полыспул его своей рукой — он на три перевертышка перевернулся и на ноги стал. Конь похвалил за это: «Можешь ты на мне сидеть и можешь ты мною править. Поди же ты теперь вот в этот амбар: тут есть золото и серебро; мажь свои волосы золотом, а по локоть руки серебром», и у коня (велел) вымазать гривку золотом, а хвост серебром. Посылал его в запасной амбар взять богатырское седло, уздечку, стопудовую боёвую палицу, перстень и перчатку. Тогда он собирался, сажился на коня. Конь ему скричал: «Как можно крепче садись на мне теперь!» — Конь его бежал так: только три раза скакнул — и догнал этого Чудовища. Чудовище оглянулся и сказал: «Выкормил вóрога себе на шею». Ваня сказал: «Прощайся с белым светом — я кончу тебя, отца своего!» Полыспул его боёвой палицей и развалил его на три доли.

Конь сказал: «Смотри, Ваня, у Марфы-царевны-то завещанье: кто с верхнего этажу схватит ширинку — тот и ее жених будет». Пустился конь; прибегает в русское государство. Конь взвился к балкону и выхватил ширинку с верхнего этажу.— «Хватай-лови!» — Такого молодца только и видели. Пустил коня в заповедные луга, себе сделал камышевый балаган.

У царя был семигодовалый бык, и было у него два зятя — он и велит им заколоть быка и сделать бал. Вывели быка семигодовалого, и эти зятевья не могут его удержать никак: больно силен он был. Ваня усмотрел, что они не могут его удержать, приходил к ним: «Братцы, что вы делаете? Али быка охота заколоть?» — «Да, заколоть; да мы его никак не можем свалить». — «Отдайте мне требушину и кишки, я вам пособлю за это». Ваня заходит сбоку, полыснул глаза — и глаза у него вылетели: успокоил его сразу; за хвост дернул — кожа долой; по брюху ударил — и кишки вылетели. Тогда выбрал требушину, взял кишки, вымыл как следует, надел на голову — образовалась шляпа у него, а кишками руки обмотал свои, чтобы не видно было серебро им.

Взял он лучок настрелял птицы много, Ваня; притаскивает к царю на кухню поварам: «Купите у меня дичятины; денег мне не надо, а мне дайте вина — ведра три водки (зелена вина я не пивал)». Они сдвинулись, долбжили царю. Царь приказал: «Выдать ему: что за обжора такой — выпьет ли, нет ли?» — Ваня выпил и попросился у них на печь отдохнуть. Они дозволили. Наехало много князьёв и бояр и православного народу (простонародия) — жениха ждали. Марфа-царевна обносила водкой всякого — жениха нигде не оказалось. Она объяснила: «Вы приедьте завтра; завтра еще угощенье будет, больше сегодняшнего». (Не прибудет ли жених завтра?) — Повара тужат об этом деле: много склоти было, а жених не приехал. Ваня проснулся и говорит: «Не тужите, завтра он непременно прибудет». — «Как ты знаешь?» — «Он мне товарищ; я непременно ему скажу — он прибудет». — Тогда Марфа-царевна приходит на куфню, а этот самый Ваня отправился уже в свои луга. Тогда повара сказали: «Марфа-царевна, завтра жди непременно: жених прибудет к тебе». — «Почему вы знаете?» — «Был у нас стрелец — выпил три ведра водки у нас — и говорит, что прибудет: он мне товарищ», — говорит. — Тогда сказала Марфа-царевна: «Чудаки вы эдакие! Простой мужик никогда не выпьет столько вина; непременно это богатырь какой-нибудь был у нас».

Поутру они готовились. Народу много съезжается. А этот Ваня опять настрелял дичятины, принес на кухню и просит только одну четверть водки

— для веселья. Четверть выпил и выходил во дворец прогуляться. (Не идёт в комнаты.) Марфа-царевна по верхнему этажу всех князьев и бояр обнесла и выходила на двор тогда — подавала простонародию. (Вышла из комнат.) До него доходит и ему чару подает. И вот он бокал выпивает, а ширинкой Марфы-царевны уста вытирает. Тогда она его за ручку взяла, поздоровалась и в уста его поцеловала. Взяла его за ручку и вела в свои комнаты. Весь народ зъахнул, что он не шибко в обряде; выбрала себе такого жениха нехорошего. — Царь его спрашивает: «А что, братец, из каких ты родов и как тебя зовут?» — «Я не знаю». — Сколько бы царь ни допытывался, он все говорит: «Я не знаю, как меня зовут». — Марфа-царевна и говорит: «Стало быть, он нашего языка не знает; а раз ширинка оказалась с ним — стало быть, он мой жених: я желаю сходить к венцу и обвенчаться с ним». Сходили к венцу, повенчались.

Царь приказал своей дочери: «Ты водкой обноси — будут вас с законным браком поздравлять! А его в комнате оставь, чтобы над ним не смеялись — что он не в обряде», — Марфа-царевна водкой обносила и орешками, а сама слезьми уливалась, что мужа с ней нету (ей бедно: надо обем быть-то тут). Сметил царь: «Что ты так слезьми уливаешься?» — Та объяснила. Приказал царь обем подавать. Приходит она к своему мужу: «Вот что, Незнаюшка, мы пойдем со мной водкой обносить, а нас будут поздравлять с законным браком». — «Не хочу я водкой обносить! А ты мне самому закати ведер 7 водки!» — Царь приказал выдать: что — выпьет ли, нет ли, на испытующу. Приносят. Ваня водку эту всю выпивает. Приказал ей: «Поставь в караул дежурного, чтобы кто пьяного меня не похитил!» — Поутру разъехались все князья и бояре, мир православный; никого не осталось.

Утром присылает письмо богатырь: «Если царь не вышлет за меня свою старшую дочь, тогда я все царство порешу и попелóчки замету!» — Умные зятевья сошлись — два зятя — и говорят: «Тятенька, давай нам силы и орудие! Мы поедем воевать, а жен не дадим!» Марфа-царевна объяснила Незнаюшке: «Что тебя они не берут на совет? Богатырь требует старшую дочь, они хотят сами воевать, а тебя не берут!» — Он приказал: «Тащи мне четверть водки, с похмелья!» — Пошел в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски, конь его богатырский бежит — земля дрожит; в лево ушкó залез, в правое вылез — и здрел бы, глядел, с очей не спущал экого молодца! Надевал уздечку и богатырское седло, подтягал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет. Садился на коня, бил его по бедра́м: конь его рассержается, по сырой земле расстиляется; и он всего на три скока в половине дороги нагнал своих

свояков. — «Стойте, мерзавцы! Что вам теперь — вас победить или за вас пристать?» — «Пристань за нас!» — «Что вы мне заплатите? Вырежьте мне из ж...ы по пряжке!.. Отправьтесь вы теперь домой, скажите, что богатыря победили!» — Сам отправился к богатырю. Приезжает. Богатырь лежит, как сильная копна. Богатырь отвечает: «Что ты, племянник! Брата моего поремил (Чудовище-то был брат ему) и меня хочешь, а я посильнее его!» — «Видишь ты зелен виноград и не знаешь ты, как его еще убрать! (Он себя зеленым еще зовет, молоденьким.) В поле съезжаются, родом не считаются! Давай побрашуемся!» — Они на версту разъехались; катнул он богатыря и развалил его на три доли. Пустил коня в луга, а сам надел на себя требушиную шапку и обмотал руки кишками — как прежде — и идет в царские покои. Встретила его Марфа-царевна. — «Выдай мне четверть водки! Я, — говорит, — пристал». (На побоищах был, дак ведь как!)

На другой день требует еще другой богатырь то же самое: если вторую дочь царь не выдаст, все царство порешу и попелочки замету! Зятевья собирались на совет. Марфа-царевна объяснила Незнайке: «Что тебя они не берут на совет? Богатырь требует вторую дочь, они хотят сами воевать, а тебя не берут!» — Приказал: «Тащи мне четверть водки с похмелья!» — Пошел в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски; конь его богатырский бежит — земля дрожит; прибежал, на коленки пал: «Что тебе угодно?» — В лево ушко залез, в правое вылез — и здрил бы, глядел, с очей не спускал экого молодца! Надевал уздечку и богатырское седло, подтягивал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет. Бил коня по бедрам: конь его рассержается, по сырой земле расстиляется; и он всего на три скока в половине дороги нагнал своих свояков: «Стой, мерзавцы! Ни назад, ни вперед вам дороги нету! Что вам теперь — вас победить или за вас пристать?» «Пристань за нас!» — «Поремню из спины вырежьте!» — Вырезали, передали ему эти ремни. — «Отправляйтесь вы теперь домой; скажите, что богатыря победили!» — Сам отправился к богатырю. Приезжает. Богатырь лежит, как сильная копна: «Двух моих братьев убил и меня хочешь! А я посильнее их!» — «Черт силён, да воли нет! Видишь ты зелен виноград, да не знаешь, как его убрать; в поле съезжаются, родом не считаются! Давай побратуемся!» — Разъехались они на две версты; катнул он богатыря и развалил его на три доли. Пустил коня в луга, а сам надел требушиную шапку и обмотал руки кишками; идет в царские палаты. Марфа-царевна встретила его. — «Выдай мне четверть водки! Я, говорит, пристал!»

Переночевал. Поутру требует богатырь его жену, Марфу-царевну. Умственные зятевья сказали: «Тятенька, мы не пойдем! Лучше самое её отправить, чем ей за дураком быть! Лучше будет она за богатырем!» — В слезах она попросилась у отца: «Позволь мне в последний раз проститься с Незнайкой!» — Приходит и плачет: «Ох ты, Незнаюшка, ничего не знаешь, ничего не ведаешь! Я пришла с тобой последний раз проститься: требует меня сильный могучий богатырь!» Он и говорит: «Тащи мне четверть водки, тогда я с тобой поговорю!» Принесла. Выпил и говорит: «Смотри, собирайся все-таки к богатырю! Выедешь в луга — есть налево камышевый балаган, дальше него не ездят, а дожидайся меня у камышевого балагана!» — Она хоть и собиралась — радовалась. А Ваня отправился в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски — конь его богатырский бежит — земля дрожит. В лево ушко залез, в правое вылез — и здрел бы, глядел, с очей не спускал экого молодца! Надевал уздечку и богатырское седло, подтягивал 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет! Садился на коня. — «Ох, — говорит (конь), — этот силен, тебе не устоять, против этого богатыря у тебя силы не хватит! Ну, да ладно, — говорит, — поедем к богатырю, попросим: не даст ли он тебе еще силы; если не даст, так скажи: не для-ради меня, а для-ради коня-вещи́». (Меня, говорит, зовут: «коня-вещи́», к старому хозяину он ездит-то.)

Живо садился, ехал. Приезжает; стоит в каменном столбу этот самый богатырь. Заявляется к нему, приходит в его лицо и говорит: «Здравствуй, господин богатырь!» — Откуль ты, какой есть?» — «Я к твоей милости: не дашь ли ты мне силы?» — «С какой я тебе напасти дам? Я тебя сроду еще не видал!» — «Не для-ради меня дай силы, а для-ради коня-вещи́!» — «А что ты конь-вещи́? Али ты жив? Явись в мое лицо, поговори со мной!» — Конь подскакал и говорит: «Здравствуешь, мой старый хозяин!» — «Здравствуй, конь-вещи́! Где ты столь долгое время проживаешь?» — «Я проживался у такого Чудовища, какого теперь едем победить; твоего сына (он) победил, у Вани силы не больше, чем у твоего сына: он его порешит, если ты силы не прибавишь ему!» — «Спасибо, — сказал богатырь, — что ты мне сказал: сына моего победил... Дам ему силы!» — Нацедил из своих ребер бутылку крови, подает ему и говорит: «Если чуешь в себе силы много, оставь и мне, не все пей!» — Ваня выпил эту бутылку и почувал в себе силу непомерную. (Нисколько богатырю не оставил.)

Приезжает — Чудовище-то уже близ Марфы-царевны, к камышевому балагану приближается. Приостановил богатыря: «Стой, Чудовище! Не в свое место едешь ты!» — «Убил ты моих трех братьев — я посильнее их

второе!» — «Видишь ты зелен виноград и не знаешь ты, как его еще убрать! В поле съезжаются, родом не считаются — давай побратуемся!» — Разъехались они с ним на три версты. Польшули один другого — оба по 12 часов мертвые лежали, без чувствия. (А Марфа-царевна сидела — плакала.) Незнайко наперед его встал и с дум ал: у меня еще есть оборона — перстень и перчатка. Подошел к Чудовищу, перстень и перчатку наложил — его на три части рóзорвало.

Подъезжал к Марфе-царевне. — «Видела, какое побоище? Теперь ты можешь мною похвастаться дома. За свояков я заступился, а то бы всю силу они загубили и сами бы не живы были; на что бычишко семигодовалый, и того не могли заколоть они! Теперь я приду домой — ты мне водки ведер семь заката, когда я пущу коня в луга». — Ваня подъезжает к царскому двору, скричал очень громко: «Я Чудовище кончил, за Незнайку заступился!» Сваяки признают его и говорят: «Этот богатырь и за нас заступился». Марфу-царевну встречают с веселым со звоном. Ваня пустил коня своего в заповедные луга, а сам надел требушиную шапку и идет в царский дом. Марфа-царевна встретила его и заката ему ведер семь водки.

Царь распорядился завести пир на весь мир — что его дочери остались дома. Съехали народу много — князьев, и бояр, и православного народу. Напились все; захвалились эти свояки: «Мы своих жен не отпустили, сами убили богатырей!» — Марфа-царевна не выдержала и сказала: «Нет, кабы мой муж не помог вам, вам бы не убить! На что бычишко семигодовалый — и того не могли заколоть!» — «Что ты нас конфузишь?» — «Мне муж сказал; у него есть от вас по взятке — по пряжке из ж...ы да по ремню из спины!» — «Давай веди его к нам, мы с ним поговорим!» — Марфа-царевна приходит: «Незнаюшка, я тобой похвасталась». — «Вовремя похвасталась! Тащи мне четверть водки — мне повеселее с ними поговорить!» — Снимает с себя требушиную шапку и сбросил себе с руки кишки — волосики оказались в чистом золоте, а пó локоть руки в сéребре. Приходит: «Здравствуйте, тятенька и маменька! И вы, своячки, здравствуйте!» (У него и язык появился!) — «Почему хвастается твоя жена, что ты взятки взял?» — «Да, взял! Вот у меня ремни из ваших спин и пряжки! Видели: на голове требушина шапка? Это из вашего быка; я вам пособлял!» — «Не ложно ли вы показываете? Вы бы приехали на коне, тогда бы мы поверили!» — «Да вот через минуту на коне приеду!» — Пошел в заповедные луга, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски; конь его богатырский бежит — земля дрожит. — «Съездим! Только одна проформа!» В лево ушко залез, в правое

вылез — и здрел бы, глядел, с очей не спушал экого молодца! Накладывает на него уздечку, 12 подпруг шелковых: шелк не рвется, булат не трется, серебро не ржавеет. Садился на коня, бил его по бедрам; конь его рассержается, по сырой земле расстилается; три скока скакнул — у царского дворца стал.

Подъезжает к царскому дворцу, скричал своих своячков: «Ну, своячки, как желаете — так брашоваться или по-мужицки, пешком?» — Выходила вся свита, и дивились свояки, что, верно, он.— «Что мы будем с ним делать?» — Он слез с коня. — «Ну-ка, господа, вас двое, я один: давай, беритесь, берите меня!» — Они взяли его двое; он над ними подсмеялся, все стоял. — «Что, братцы, разве так борются богатыри?» — И он их взял в охапку и резнул их; они не меньше 12-ти часов мертвыми лежали; откачивали их. — «Свой чин, — говорит, — пожалел, а то бы кишки из вас вылетели!»

Царь приказал считать его за старшего зятя и слушаться его.

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "[Незнайко](#)".